

Московская правда, 1964, 30 июля.

На сцене — герои любимых книг

Заметки о спектаклях
минувшего сезона

П. МАРКОВ,

профессор, доктор искусствоведения

За последние годы весьма важное место в советском сценическом искусстве приобрела театрализация прозаических произведений. Множество театров ставят «Поднятую целину» Михаила Шолохова, «Иду на грозу» Даниила Гранина, «Совесть» Доры Павловой, «Свет далекой звезды» Александра Чаковского, «Тополек мой в красной козырьке» Чингиза Айтматова и другие.

Видный советский искусствовед профессор Павел Марков рассказывает о лучших спектаклях сезона, построенных на материале произведений прозы.

Советские театры за последние два-три сезона все чаще обращаются к наиболее популярным произведениям современной беллетристики. В самом этом факте нет ничего нового — в истории русского театра огромное значение имели инсценировки романов Толстого, Достоевского, Тургенева. Они отвечали ожиданиям зрителей, хотевших увидеть воплощенными на сцене образы героев, ро-

шедших в их жизнь: Базаров, князь Мышкин, Анна Каренина стали для большинства читателей не только явлением литературным, но и жизненным.

В то же время проблема инсценировок — переноса эпического произведения в сценические рамки требует всякий раз особого эстетического подхода. Романы и повести привлекают внимание читателя широтой охвата жизни, углубленным постижением характеров, а для театра существенно важно не лишиться именно этих драгоценных качеств, которые могут быть потеряны при обращении романа в сюжетно-эффектную пьесу. Оттого-то появление романа на сцене всякий раз должно обозначать и поиски той особой формы спектакля, при которой будут выделены особые стилистические приемы автора, глубина образов, философия произведения. Огромную роль в решении этого вопроса сыграл в свое время Художественный театр, применивший в ряде поставленных

им романов новаторские приемы, с наибольшей остротой вскрывавшие смысл произведения, — в «Воскресении» Толстого он ввел, например, «лицо от автора», непосредственно комментировавшее действие.

Георгий Товстоногов в ленинградском Большом драматическом театре обратился к одному из самых сильных романов современности — к «Поднятой целине» Михаила Шолохова. Этот роман давно завоевал любовь читателей и по праву считается классическим произведением русской советской литературы. Товстоногов не претендовал на исчерпывающий перевод романа на сцену и удовлетворился вторым его томом. Вскрывая весь драматизм произведения, режиссер, однако, хотел передать его эпическое течение, наполненное страстями и переживаниями. Сохраняя его многоэпизодность, Товстоногов добился того, что каждый эпизод органически переходил из одного в другой. Режиссер не терял драгоценного времени на отвлекающую внимание зрителя смену занавеса — действие шло плавно, один эпизод вливался в другой: таково было решение романа, который становился особым сценическим жанром. Но как бы приглушая сценические краски, Товстоногов преимущественное внимание уделил актерским образам, заняв в спектакле наиболее талантливых актеров своей труппы. Он отчетливо понимал, что если на театре нельзя полностью передать все богатство живописных красок Шолохова, то театр ни в коей мере не имеет права что-либо терять в характеристиках образов. Товстоногов прежде всего создал

правдивую атмосферу народных сцен. Он стремился достичь полной достоверности в обрисовке каждого персонажа пестрой, интересной толпой казаков, их жен и детей. Сохраняя общее единство, он в то же время находил для каждого, даже второстепенного исполнителя яркость сценических характеристик, лишенных нарочитой и подчеркнутой театральности. Яркость простоты — так можно было бы определить его режиссерский метод, особенно сильно сказавшийся в центральных образах спектакля. Во многих из них была опасность увлечься затейливыми характерными чертами, но Товстоногов их нарочито избегал, озабоченный проникновением в сущность образа, в его человеческую красоту. Вероятно, из-за того, что Товстоногов сделал центром своих размышлений человеческую красоту, красоту подвига, и трагический финал спектакля — гибель центральных героев романа Нагульнова и Давыдова — приобрел торжественный характер, звучал сильным заключительным аккордом смело развернутой режиссером эпопеи.

В театре имени Моссовета идет инсценировка романа Доры Павловой «Совесть». Это произведение резко отличается от широкого эпического размаха Шолохова. Оно носит скорее публицистический характер, что, конечно, вовсе не означает отказа от внимания к человеку. Напротив, в центре повести стоит образ коммуниста — и вопросы долга, нравственной ответственности, непримиримой принципиальности остро волнуют автора повести. Многие из эпизодов повести происходят в кабинетах, на за-

седании — и театр не боялся этой, казалось бы, несценичности. Он поверил в существенность поднимаемых писателем вопросов и в правдивость образов. Режиссеры спектакля Юрий Завадский и Александр Шапс исходили из особого жанра повести. Они подчеркнули ее публицистический характер и подобно товстоноговцам добились непрерывности действия. Режиссеры широко использовали просцениум, на который вынесли многие, даже центральные моменты действия. Здесь действующие лица непосредственно обращаются к залу, как бы вовлекая зрителей в происходящие на сцене споры. Такое решение спектакля делало особо ответственным актерское исполнение, ибо актер зачастую оставался наедине со зрителем, лишенный каких-либо «подпорок». И нужно признать, что театр добился очень ровного и убедительного ансамбля: спектакль вызывает смелой постановкой вопросов и точностью формы все возрастающее волнение всегда переполненного зрительного зала.

Наконец, режиссер Борис Львов-Анохин, принявший на себя руководство Московским драматическим театром имени Станиславского, осуществил инсценировку очень тонкой повести киргизского пи-

сателя лауреата Ленинской премии Чингиза Айтматова «Материнское поле». Это — очень нежное, глубокое и лирическое повествование о судьбе простой киргизской женщины — Толгонай, потерявшей на войне своих близких. Вся повесть по существу и является большим монологом женщины, поднимающимся и до нежнейшей лирики, и до трагического пафоса, написанным со всей народной образностью. Этот монолог направлен к земле, на которой проходила трудная жизнь этой женщины. Львов-Анохин не пытался сделать из повести пьесу, но он нашел в этом первоклассном литературном произведении материал для превосходного спектакля. Он идет на почти обнаженной сцене, на фоне скупого меняющегося задника. В него как бы врываются со всей правдивостью исполненные жизненные эпизоды, всплывающие в воспоминаниях Толгонай. Некоторые из них полны драматизма, но центром спектакля остается образ матери. Львов-Анохин со всем тактом персонифицировал народный образ «матери-земли». Именно к ней обращается со своим рассказом Толгонай, которую с исчерпывающей силой играет талантливая актриса Любовь Добржанская.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «На диком берегу». В роли Петина заслуженный артист РСФСР Б. Лавров, Литвинова — народный артист РСФСР П. Герага, Вали — артистка В. Талызина.
Фото И. КОШЕЛЬКОВА.